

СЕМАНТИКА ПРИВЫЧКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Привычка свыше нам дана: замена счастию она.

А.С. Пушкин

0. Вводные замечания. Постановка задачи.

Объектом данной работы является семантическая область «привычного» и соответствующий ей круг лексических обозначений. Данный объект представляет интерес в нескольких отношениях.

0.1. *Привыкнуть* является вершиной словообразовательного гнезда, в состав которого входят существительные *привычка* и *привычность*, образующие так называемый «словообразовательный круг». Его организуют следующие единицы: производящее существительное → производное от него прилагательное → образованный на базе последнего отадективный субстантив, ср.:

привычка → *привычный* → *привычность*

польза → *полезный* → *полезность*

благозвучие → *благозвучный* → *благозвучность*

подобострастие → *подобострастный* → *подобострастность*

Семантический парадокс таких рядов заключается в том, что каждое производное в их составе, будучи синтаксическим дериватом, призвано быть всего лишь «новыми мехами для старого вина», формой, транспонирующей содержание своего производящего в новую часть речи (ср. *он привык курить трубку* → *его привычка курить трубку*; *привычный вид за окном* → *привычность вида за окном*). Следовательно, гипотетически исходное и результирующее звенья должны обладать тождеством лексического значения.

Их семантическая близость в отдельных случаях, действительно, имеет место, ср.: *Шел Федор спокойный, пошучивая, немножко позируя своей простотой и мнимой привычностью к таким делам* (А. Фурманов); *У нас уже выработалась привычка к этому жизненному укладу, и мы говорим о деталях нашего существования как о чем-то нормальном* (Е. Гинзбург). Однако значительно чаще существительные *привычка* и *привычность* не обла-

дают способностью к взаимозаменяемости, используются для высвечивания разных граней определенного концепта: *Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу* (А. Пушкин) ↔ *Он досчитал до десяти, бросился к телескопу: вид звездного неба удручал своей привычностью* (Н. Дежнев).

Попытка эксплицировать эти различия и предложить их системное описание составляет первую задачу настоящей работы.

0.2. Важно подчеркнуть, что, будучи элементами одной словообразовательной цепи, *привычка* и *привычность* являются производными разных частей речи и тем самым представляют собой один из тех случаев, когда в состав глагольного гнезда входят несколько отвлеченных существительных, одни из которых собственно отглагольные, другие – отадективные:

привыкнуть → *привычка* → *привычный* → *привычность*
подражать → *подражание*
→ *подражательство*
→ *подражательный* → *подражательность*
пренебрегать → *пренебрежение*
→ *пренебрежительный* → *пренебрежительность*
пресытиться → *пресыщенный* → *пресыщенность*
→ *пресыщение*

Материал такого рода вводит в рассмотрение отвлеченные имена, представляющие собой точку пересечения глагольной и адъективной семантики. Выявление специфики взаимодействия процессуального и признакового начала в семантической структуре анализируемых имен составляет вторую задачу данной статьи.

0.3. Анализ научной литературы, посвященной проблемам синтаксической деривации, показывает, что в центре внимания исследователей стоят скорее вопросы функционирования синтаксических дериватов, чем их семантика. Между тем, насколько нам известно, системное обследование всего массива отвлеченных имен не проводилось; утверждение о их безусловном семантическом тождестве с производящим (глаголом или прилагательным) сформулировано в значительной степени априори и требует проверки и осмысления (более подробную аргументацию см. в [Ташлыкова 2003]). Детальное описание отдельных единиц, ориентированное на выявление их семантической, прагматической, коммуникативной специфики, позволит внести определенный вклад в решение этой задачи и уточнить классические представления о феномене синтаксической деривации.

Материалом исследования являются примеры контекстного употребления лексем *привыкнуть*, *привычка*, *привычный*, *привычность*, извлеченные из Национального корпуса русского языка [<http://www.corpora.yandex.ru>] и Тюбингенского корпуса русских текстов [<http://heckel.sfb.uni-tuebingen.de>] (всего – около тысячи употреблений).

В ходе анализа последовательно учитываются формальные характеристики предложений, включающих данные единицы, и содержательная специфика ситуации, которую они характеризуют.

1. Глагол как способ реализации семантики привычки

Ю.Д. Апресян выделяет в составе глагола *привыкнуть* две лексемы: *привыкнуть 1* – ‘много раз на протяжении нескольких периодов наблюдения повторив какое-л. действие или побывав в каком-то состоянии, измениться в результате так, что делать это или быть в таком состоянии стало нормой поведения или существования субъекта’ (*Он привык делать по утрам зарядку; Я привык вставать рано; Его дочь с детства привыкла работать по ночам*). *Привыкнуть 2* – ‘проведя некоторое время в необычных для себя условиях, измениться в результате так, что эти условия стали нормой или перестали восприниматься как необычные’ (*Скоро мы привыкли к городскому шуму; люди быстро привыкают к хорошему; Вы к уколам привыкли*) [Апресян 1997].

Характеризуя эти лексемы, Ю.Д. Апресян отмечает далее, что *привыкнуть 1* «в случае фразовой безударности может обозначать естественно возникший навык, доведенный почти до автоматизма в ходе систематического повторения каких-то **действий** (здесь и далее выделено мной. – М.Т.). Высказывание типа *Он привык вставать¹ рано* не слишком отличается по смыслу от высказывания *Он встает рано* – констатируется только наличие у него такой привычки, такого обыкновения, – без всяких указаний на то, как она вырабатывалась. Только в случае просодически выделенного, рематического *привыкнуть* этот глагол может предполагать некоторое усилие по преодолению старой привычки, ср. *Теперь я привык вставать рано, хотя сначала было трудно*» [Там же: 281].

Привыкнуть 2 обозначает, «как правило, естественную, то есть протекающую без участия воли перестройку психологического отношения субъекта к необычным для него **условиям**, в результате которой он так или иначе перестает воспринимать эти условия как необычные и в определенной мере восстанавливает способность нормально в них функционировать. При этом необычные условия либо циклически повторяются на протяжении какого-то отрезка времени, либо заполняют его целиком, то есть воздействуют на субъекта непрерывно <...>

Привыкнуть 2 отличается от двух других синонимов этой группы (*свыкнуться, притерпеться*) тем, что указывает на приобретение способности не обращать внимания на те необычные внешние условия, которые до какого-то времени мешали нормальному существованию или функционированию субъекта. При этом неважны ни масштаб необычных явлений, ни их характер, ни время формирования новой привычки или цикличность / нецикличность воздействия новых условий на субъекта» [Там же: 284 – 285].

Как видно, указанные значения противопоставляются по двум основным параметрам: *привыкнуть 1* имеет в виду **деятельность**, осуществление которой является для **субъекта** нормой (или **состояние**, пребывание в котором – норма для субъекта); *привыкнуть 2* указывает на то, что **восприятие** (физиологическое, ментальное, эмоциональное) некоторого внешнего фактора (**объекта** окружающей среды или среды как таковой) для субъекта обычно, нормативно. Это семантическое различие отражается в различиях сочетаемостных: *привыкнуть 1* «присоединяет к себе имена действий, занятий и состояний»; *привыкнуть 2* управляет «предложно-именными группами со

значением среды, места, фактора или объекта, к которым субъект привыкает, приспособляется и т. п.» [Там же: 283, 288].

Для удобства дальнейшего анализа схематически представим модель исходной ситуации, описываемой лексемами *привыкнуть 1 – привыкнуть 2*, в виде формулы *X привык к У (X привык делать У)*, где *X* и *У* – синтаксический субъект и объект соответственно.

Позицию синтаксического субъекта *привыкнуть 1, 2* занимает имя лица или живого существа. Этой позиции у *привыкнуть 1* соответствует семантическая роль агенса или (реже) экспериенцера: *Мать больна, да отец умер, когда ему было три года, он по миру с тех пор ходил, привык бродяжничать* (А. Герцен); *Он привык вмешиваться в личную жизнь подчиненных и не терпит пререканий с их стороны* (А. Демин); *Они привыкли жить на широкую ногу* (Ю. Мухина). Синтаксический субъект *привыкнуть 2* в содержательном отношении скорее выступает как объект воздействия (пациенс): *Обжигающий, ледяной кипятком сковал дыхание, и я, переводя дыхание, несколько раз окунулся в воду, покамест мое тело не привыкло к холоду* (Ф. Искандер); *Князь не привык к отказам из трутты* (А. Герцен).

Таким образом, при описании производных от *привыкнуть* имен следует учитывать как формальный аспект (характер синтаксических связей в поверхностной структуре предложения), так и содержательный (агентивный или пациентивный способ участия субъекта в ситуации).

2. Имя прилагательное как способ реализации семантики привычки

КИ

Прилагательное *привычный* может заполнять и субъектную, и объектную валентность глагола *привыкнуть*.

Согласно МАС, *привычный 1* – ‘вошедший в привычку, ставший привычкой, обыкновением’ (*привычная тишина, привычные с детства сельские ландшафты*); *привычный 2* – ‘привыкший к чему-л., имеющий привычку что-л. делать’ (*жена, привычная к провинциальной жизни; привычные руки быстро отвинчивали гайки*). Как следует из толкования, первая лексема прилагательного служит характеристикой объекта, вторая – субъекта привыкания (не случайно во второй дефиниции использовано действительное причастие, невозможное в первой).

Корпусный анализ показывает, что **объектные употребления** в количественном отношении преобладают над субъектными, ср. некоторые примеры: *Важнее комфорта для меня привычная обстановка, ритм жизни и чтобы рядом – близкие люди* (Огонек); *Скоро князь Андрей вступил опять в привычные условия жизни* (Л. Толстой); *Я смотрю на привычные, родные для меня места* (А. Таманцев); *Я снова был на своем месте и снова мной владели только привычные заботы* (Стругацкие) и т. п. Понятно, что в таких употреблениях место определяемого слова занимает неодушевленное существительное.

Основной способ заполнения объектной валентности – использование имен существительных, называющих среду, место, условие, объект восприятия и т. п.: *восстановился привычный миропорядок, привычный вид, привычный гул голосов, привычный аромат, привычный маршрут* и т. д.

В ряде случаев объектную валентность заполняют имена лиц: *Назаров очень ему доверяет. – А вам? – Тоже. Но я для него человек привычный...* (А. Таманцев); *Однако гуманоиды почувствовали неладное, и первым признаком стало то, что привычный уже зеленорожий лектор Роо не появился на экране в положенное время* (С. Алексеев); *Левин с князем прошел все комнаты: большую, где стояли уже столы и играли в небольшую игру привычные партнеры* (Л. Толстой).

Здесь *привычный*, сочетаясь с одушевленным существительным, характеризует названное этим существительным лицо как объект привыкания. Субъект привыкания может быть назван в тексте (см. первый пример), а может только подразумеваться. Такие контексты следует признать маргинальными, хотя, вообще говоря, базовая конструкция допускает использование одушевленного существительного не только в позиции X, но и в позиции Y: *Ребенок привык к няне и ни с кем другим оставаться не хочет.*

В рассмотренных случаях прилагательное определяет отношение X-а к Y-у как перцептивное, а следовательно, пациентивное (и *миропорядок*, и *гул голосов*, и *зеленорожий лектор* выступают как объекты восприятия), и потому можно констатировать наличие симметричных отношений между формальной и содержательной организацией словосочетаний, построенных по модели *привычный Y¹*.

Такая симметрия, однако, наблюдается не всегда. Особый способ заполнения объектной валентности представляют контексты, в которых прилагательное *привычный* определяет предикатное имя: *привычные движения плеча, привычная работа, привычные физические нагрузки, привычная покорность*. В подобных употреблении происходит своего рода «расщепление субъекта»: *привычное движение* – это движение, которое осуществляет сам субъект, которое стало для него вследствие ряда повторений обычным; однако в рассматриваемой конструкции *движение* как бы отрывается от своего производителя и концептуализируется как нечто внешнее для него (ср. конструкции с внешним посессором). В результате имеет место конфликт между поверхностной и содержательной стороной высказывания: синтаксически прилагательное характеризует объект, а семантически – субъект, притом не в пациентивном, а в агентивном ракурсе.

Субъектно ориентированные употребления прилагательного *привычный* отличаются большим единообразием в способе заполнения соответствующей валентности: место опорного имени занимают главным образом одушевленные существительные: *Лучше всего убирала картошку балетмейстеры – они были физически очень хорошо подготовлены, и их мальчишки, привычные к поддержкам, легко таскали тяжелые корзины* (Огонек); *Шли крестьянские, привычные к работе коняки* (М. Булгаков); *Слуг было шестеро – народ все тертый, привычный к уличным потасовкам* (Стругацкие).

В приведенных контекстах *привычный* отражает все семантические особенности *привыкнуть 1*, указывая на то, что субъект регулярно осуществляет деятельность, о которой идет речь (делает *поддержки, работает*, участвует в *уличных потасовках*), и потому готовность к такой деятельности

¹ Ср. *привыкнуть 2*.

оценивается как его типичное свойство. В ряде случаев место определяемого слова занимает название части тела: *Тонкие длинные привычные пальцы быстро, ловко разбирали, плели, завязывали косу* (Л. Толстой); *Вглядывайтесь в эти морды, молодые, тупые, равнодушные, привычные ко всякому зверству* (Стругацкие); *Мозг, привычный к построению логических конструкций и освободившийся из-под контроля оцепеневшего духа, миг услужливо выстроил цепочку* (Б. Акунин). Прилагательное при таком метонимически использованном существительном продолжает осуществлять характеризацию субъекта по ставшему типичным для него действию (ср. *привыкнуть 1*).

Однако семантические различия, фиксируемые *привыкнуть 1* – *привыкнуть 2*, в смысловой структуре прилагательного оказываются выраженными с меньшей степенью отчетливости. Это демонстрируют, например, следующие контексты: *На тротуаре разложили свой экзотический товар привычные к зною сенегальцы* (А. Таманцев); *Взоры были обращены на Ларису, которая нисколько не смущалась, явно привычная к такому вниманию* (В. Доценко); *Привычные к комфорту европейцы пошли другим путем* (Огонек); *Привычный к опасности народ; привычные к грохоту и шуму* и т. п. Совершенно очевидно, что *привычный* в данных употреблениях управляет предложно-именными группами со значением среды, фактора или объекта, к которым субъект привыкает. Ср. следующий выразительный пример, в котором основной субъект (*хозяин книжного магазина*) характеризуется как лицо, на глазах которого происходит множество событий, иногда достаточно странных, но всегда таких, которые осуществляются по чьей-то чужой воле и которые для этого субъекта являются только предметом наблюдения: *Улица безлюдная, хозяин книжного магазина ко всему привычный – то цветочные горшки туда-сюда переставляют, то добрым людям проходу не дают, то профессор Плейшнер из окна выпадет* (Огонек). Способ синтаксической организации второй части предложения вносит существенный вклад в понимание прилагательного *привычный*: неопределенно-личные конструкции задают интерпретацию ситуации как возникающей и существующей независимо от чьей-либо воли; глаголы несовершенного вида, оформляющие три последние предикации, вместе с повторяющимся союзом создают представление о том, что названные ситуации циклически повторяются на протяжении какого-либо отрезка времени (на этом фоне даже последняя пропозиция воспринимается как не уникальное событие). Таким образом, в рассматриваемом контексте представлены все условия, позволяющие интерпретировать *привычный* как дериват от *привыкнуть 2*. Иначе говоря, можно утверждать, что прилагательное осуществляет характеризацию субъекта по ставшему типичным для него психологическому отношению к некоторым внешним для него условиям (ср. *привыкнуть 2*).

Анализ лексических баз данных показывает, что достаточно широко представлены такие контексты, применительно к которым можно говорить о своеобразной нейтрализации «агентивной» и «пациентивной» составляющей в семантической структуре прилагательного. В первую очередь это касается тех случаев, в которых *привычный* управляет именной группой с местоимением *все*: *Купцы были люди степенные, всякое повидавшие и ко всему привычные. От жадных русских губернаторов и магистратов откупались ма-*

лой мздой, лишнего не платили (Б. Акунин); *На что наш доктор ко всему привычный, но и он, когда осматривал их, ругался матом, как последний ханыга* (А. Ольбик); *Меняется мебель. Меняются запросы. Простыни теперь нужны 120, 150, 180 сантиметром ширины. Ну мы-то люди ко всему привычные и не на таком спали, а на Западе – там просто понять не могут* (Огонек).

Как кажется, в подобных употреблениях прилагательное может указывать на то, что и некоторая деятельность, и некоторые внешние условия являются для субъекта характеристики обычными; возможно, это объясняется тем, что внешние условия выступают одновременно как обстоятельства, в которых протекает деятельность. Так, например, развивая мысль, сформулированную во фразе *Актеры – люди ко всему привычные*, автор статьи в «Огоньке» пишет, с одной стороны, о неизбежности частых поездок, о необходимости заучивать тексты большого объема (= деятельность), с другой – о плохих условиях проживания на гастролях, о специфическом режиме дня (= условия существования).

Таким образом, можно говорить о совершенно определенных тенденциях употребления прилагательного *привычный*.

Поскольку в ситуации, обозначаемой лексемами *привыкнуть 1 – привыкнуть 2*, имеется, как минимум, две составляющие (*X* привык к *У*: субъект и типичная для него деятельность, субъект и объект привыкания), прилагательное может характеризовать каждую из них.

Соответственно *привычный У* получает только объектную интерпретацию: ‘*У* (= *Об*), к которому привык (*X*)’. Как следует из вышеизложенного, позицию *У* занимает в типичном случае существительное, называющее:

(а) фактор (место, условие, среду), внешний по отношению к субъекту (*привычный адрес, привычный шум за окном, привычные блага цивилизации, привычные заботы*)²;

(в) лицо (*Теперь передо мной привычный доктор Резнер*);

(с) действие или состояние лица (*привычное движение; привычный поступок; привычная суета, тоска, покорность; привычные хлопоты, движения*).

За исключением примеров группы (с) прилагательное в конструкции *привычный У* соотносится с *привыкнуть 2*, поскольку определяет отношение *X-а* к *У-у* как перцептивное, а не деятельностное.

Привычный X имеет субъектную интерпретацию (‘*X* (= *Sb*), который привык к *У*’) и синонимизируется с причастием прошедшего времени *привыкший*. Позицию *X* может занимать только одушевленное имя, называющее лицо или (в более редких случаях) животное: *привычные к тяжелой работе крестьяне, привычные кони*. В содержательном аспекте прилагательное в конструкции *привычный X* может соотноситься как с *привыкнуть 1*, характеризуя субъекта по типичной для него деятельности, так и с *привыкнуть 2*, характеризуя субъекта по типичному для него отношению к объекту: *В разгар Карибского кризиса взлетали с бетонки ТУ-114, стекла в окнах лопались*.

² В Национальном корпусе подобные примеры составляют абсолютное большинство.

Жители, ко всему привычные, и к этому относились спокойно (Огонек). В ряде случаев «деятельностный» или «перцептивный» аспект значения нейтрализуются, и конструкция *привычный X* оказывается внутренне омонимичной: *Остались одни... Чем кормить? Комбикорм, сено – отравленные. Мне уже 80 скоро, мы со старухой привычные, пробьемся, а у коз по весне козлята должны появиться. Козляток спасти бы!* (Огонек).

Как показывает анализ, сочетание с одушевленным существительным оказывается максимально неопределенным, поскольку предоставляет сразу несколько возможностей для семантической интерпретации прилагательного *привычный*. Так, словосочетание *привычный человек* допускает следующие трактовки.

Привычный – атрибут объекта (другими словами, человек – объект привыкания); аспект характеристики – пациентивный: *N – человек для них привычный, его стесняться не станут*.

Привычный – атрибут субъекта (человек – субъект привыкания); аспект характеристики – агентивный: *N – человек, к тяжелой работе привычный, он справится*.

Привычный – атрибут субъекта (человек – субъект привыкания); аспект характеристики – пациентивный: *N – человек, к любым условиям привычный, здесь ему понравится*.

Привычный – атрибут субъекта (человек – субъект привыкания); аспект характеристики неизвестен: *N – человек ко всему привычный*.

Функционально-семантические особенности глагола *привыкнуть*, с одной стороны, и прилагательного *привычный*, с другой, обуславливают своеобразие существительных *привычка* и *привычность*.

3. Имя существительное как способ реализации семантики привычки

ки

Существительное *привычность* наследует все особенности производящего прилагательного.

Оно, как правило, употребляется в сочетании с именем объекта привыкания (*привычность У-а*), занимающим позицию зависимого генитива: *Диалогическая форма лучше всего выполняется при наличии привычности речевых элементов* (Л. Якубинский); *Искусство подлинное вырывает человека из привычности земного бытия* (Г. Алексеев); *Наставший порядок обступит нас с привычностью леса на горизонте или облаков над головой* (Б. Пастернак); *привычность этого явления; привычность и незатейливость выбора; привычность вводимых в словарь имен* и т. п. В подобных контекстах существительное имеет такую же объектную ориентацию, как мотивирующее (ср.: *привычные речевые элементы, привычный лес на горизонте* и т. д. – ‘к которым привыкли’) и так же пациентивно.

В тех случаях, когда объект привыкания назван предикатным именем, возникает конфликт между поверхностной и содержательной стороной высказывания, подобный тому, который имеет место в адъективных сочетаниях, и усугубляемый сложностью отношений опорного имени с зависимым генитивом.

В сочетаниях *привычность хлопот, привычность этого действия, привычность общения, привычность ощущения* синтаксически опорное су-

существительное *привычность* является семантически зависимым от синтаксически подчиненного генитива; последний служит обозначением объекта привыкания в исходной конструкции *X привык к У* (*хлопотам, общению* и т. п.) и в то же время называет действие, которое осуществляет сам субъект, или состояние, в котором он пребывает. В результате это действие или состояние концептуализируется как независимое от своего субъекта, «отрывается» от него: *Повсюду было глухо и тихо, и эта тишина вместе с привычностью вечерних хлопот несколько уняла тревогу* (В. Быков); *Она положила зеркальце обратно в сумку и щелкнула замком, а он проследил за ее руками и улыбнулся привычности этого нехитрого действия* (Б. Левин); *Простота и привычность общения избавляла их обоих от долгих разговоров и тому подобной мелкой глупости* (П. Галицкий); *Уже одно то, что о людях говорят, как о баранах, показывает шаблонность этого зрелища и привычность ощущения* (Л. Андреев).

Субъектно ориентированные употребления отвлеченного имени представлены единичными примерами: *Доктор Арнольди с привычностью старого холостяка достал новый стакан, основательно и медленно вымыл, и, налив крепкого чая, подвинул гостю* (М. Арцыбашев); *Среди них были и такие, что слово «скальпель» произносили с профессиональной привычностью* (В. Липатов); *Все, что требуется, они делают – и детей рожают, и работу справляют, и солнце видят, и радуются, злятся в полную моченку, но все как после своей смерти или, напротив, во второй раз, все с натугой, привычностью и терпеливой покорностью* (В. Распутин); *Оба бека, благодаря сноровке и привычности коней, счастливо совершили переезд через оба рукава Самбура* (А. Бестужев-Марлинский).

В приведенных примерах существительное (как и прилагательное *привычный* в субъектном значении) характеризует субъект не по отношению к некоторому внешнему для него обстоятельству, а **по типичному для него действию**. При этом основной субъект и субъект характеристики могут не совпадать (см. первые два примера).

Однако главным способом указания на обычность для лица некоторых действий или некоторого внешнего фактора является существительное **привычка**.

Невозможность использования этого имени для характеристики объекта *У* объясняется правилами транспозиции $V \rightarrow \text{pomen abstracta}$, согласно которым валентность *S nom* заменяется *S gen*³. Поскольку валентность *S nom* при глаголе *привыкнуть* заполняется именем лица или другого одушевленного существа (*X-a*), в результате транспозиции место генитива при существительном *привычка* оказывается занятым именем этого *X-a* (который в состоянии самостоятельно совершать действие, обозначенное глаголом *привыкнуть*).

Второй актант, выраженный предложным / дательным падежом, имя действия присоединяет, не меняя модели управления. Результат второго шага – *привычка X-a к У-у: S gen к S dat: Жена привыкла к провинциальной жизни → Привычка жены к провинциальной жизни*.

³См. об этом подробнее в: [Kralik, Nuebler 1998, 1999; Мурясов 1999].

Таким образом, конкуренция существительных *привычка* и *привычность* возможна только в тех случаях, когда они обозначают свойство одушевленного субъекта, как правило – лица.

(а) <i>Сенегальцы привыкли к зною</i>		
(в)	<i>Привычные к зною сенегальцы</i> (субъектное прилагательное)	<i>Привычный для сенегальцев зной</i> (объектное прилагательное)
(с)	<i>Привычка сенегальцев к зною</i> (свойство субъекта)	<i>Привычность зноя для сенегальцев</i> (свойство объекта)
(d)	<i>Привычность сенегальцев к зною</i> (свойство субъекта)	

Деривационные шаги (в) и (с) позволяют специфическим образом выразить семантическое противопоставление, традиционно передаваемое залоговыми формами глагола. В коммуникативном фокусе оказываются то субъект, то объект, охарактеризованный по типичному для него свойству.

При этом если *привычность* характеризует главным образом объектный компонент базовой ситуации (представляя субъект в пациентивной перспективе), *привычка* – почти исключительно – характеризует субъект по типичному для него действию (то есть в агентивной перспективе).

Репертуар таких действий чрезвычайно широк, и способы их обозначения в тексте весьма разнообразны.

Во-первых, они могут быть названы зависимым инфинитивом: *привычка критиковать начальников, ждать, опаздывать, заниматься обновлениями, курить сигары, носить сомнительные наряды, просушивать на солнце подушки и одеяла, избирать парламент, хмурить брови, праздновать, пить кофе, хмурить лоб, трогать предметы без надобности, шататься по окраинам, фантазировать, разговаривать с самим собою, удивлять неожиданными поступками, класть голову на колени, вставать чуть свет, всегда возражать, поднимать голову при звуках гимна, выдувать через ноздри папиросный дым и т. д.* Знаменательно, что инфинитив обычно имеет форму совершенного вида, грамматически оформляя идею повторяемости, заложенную в производящем глаголе.

Во-вторых, обычное для субъекта действие может обозначаться с помощью конструкции *по привычке* (с)делал что-л.⁴: *Это сестра выговаривала ему по привычке, для порядка* (Ф. Абрамов); *По детской привычке он скрестил два пальца, чтобы горе не задело* (В. Аксенов); *По привычке он произносил некоторые слова как бы с чувством* (И. Бунин); *Часто покашливал по привычке* (М. Ганина); *Лукич по привычке всей жизни помещался на печи* (Ю. Гончаров); *Он медленно писал, склонив по привычке голову набок*

⁴ Как правило, в этой конструкции употребляется форма прошедшего времени НСВ, реже – инфинитив или деепричастие.

(С. Антонов); *Широколобый по привычке покоряется разумной воле человека пошел в ту сторону, куда его гнал этот человек* и т. д.⁵

Третий способ введения информации о действии более изощренный: *привычка* сочетается с именной группой, как правило, обозначающей внешний фактор «привыкания» (ср. *он привык к этому виду за окном*): *привычка к выборам, к чашечке кофе по утрам, к законопослушанию, к вину, к рабству, к свободе*. Представляется, однако, что названные употребления осуществляют процессуальную, а не пациентивную характеристику субъекта, который *привык выбирать, пить кофе по утрам, слушаться закона, пить вино, вести себя как раб* (или, наоборот, *свободный человек*). Другими словами, не только предикатные, но и предметные имена в составе данной конструкции понимаются пропозитивно. Представим основные результаты анализа в виде таблицы⁶.

<i>X</i> привык к <i>У</i>-у:			
		<i>его дочь привыкла работать по ночам</i> (агентивный аспект)	
		<i>она привыкла к шуму за окном</i> (пациентивный аспект)	
	поверхностная структура содержательная структура	Субъектные употребления (в коммуникативном фокусе <i>X</i>)	Объектные употребления (в коммуникативном фокусе <i>У</i>)
<i>привычный</i>		<i>Привычный</i> (к <i>У</i> -у) <i>X</i>	<i>Привычный</i> (для <i>X</i> -а) <i>У</i>
	агентивный аспект	<i>его дочь, привычная к ночной работе</i>	<i>привычная для нее ночная работа</i>
	пациентивный аспект	<i>его дочь, привычная к шуму за окном</i>	<i>привычный для нее шум за окном</i>
<i>привычка</i>		<i>Привычка X-а</i> (к <i>У</i> -у)	Невозможно
	агентивный аспект	<i>ее привычка к ночной работе</i>	* <i>привычка работы</i>
	пациентивный аспект	<i>ее привычка к шуму за окном</i>	* <i>привычка шума</i>
<i>привычность</i>		Сомнительно (крайне редко)	<i>Привычность У-а</i> (для <i>X</i> -а)

⁵ Предлог *ПО* в данных случаях употребляется в своем шестом значении: ‘При указании на то, в соответствии с чем, согласно с чем совершается действие, проявляется состояние’ (ср.: *Уехать по совету врачей; По воле путь избрал себе*).

⁶ Серым выделены структурно-семантические блоки, невозможные или нетипичные для употребления той или иной единицы; диагональным штрихом – блоки, характеризующиеся (согласно данным частотного анализа) максимальной концентрацией названных единиц.

	агентивный аспект	?ее привычность к <i>ночной работе</i>	привычность (для нее) <i>ночной работы</i>
	пациентивный аспект	?ее привычность к <i>шуму за окном</i>	привычность шума за окном

4. Заключение

Рассмотренный языковой материал позволяет сформулировать следующие выводы.

Лексемы *привыкнуть 1, 2* оформляют конструкцию *X привык к У (X привык делать У)*, различаясь только указанием на способ участия *X-а* в ситуации (агентивный или пациентивный). Эта глагольная конструкция в силу разных причин сама по себе не обладает возможностями для коммуникативного ранжирования участников ситуации⁷. Недостаток этих возможностей компенсируется с помощью имен, производных от базового глагола.

Прилагательное – благодаря высокой степени формализованности синтаксической связи с существительным – является универсальным средством для помещения в фокус внимания одного из участников ситуации, выводя другого участника на периферию или в позицию за кадром: *Он привык к темноте* (субъект в фокусе), *привычная для него темнота* (субъект на периферии), *привычная темнота* (субъект за кадром); *он привык курить трубку* (субъект в фокусе, объект в центре), *привычная для него трубка* (объект в фокусе, субъект на периферии), *привычная трубка лежит на привычном месте* (объект в фокусе, субъект за кадром).

Учет частотности объектных и субъектных употреблений прилагательного *привычный* позволяет говорить о том, что в составе адъективных конструкций оформляется совершенно определенная тенденция: прилагательное тяготеет к характеристике объекта привыкания, представляя субъект в пациентивном ракурсе.

Эта тенденция становится закономерностью для функционирования существительных *привычка* и *привычность*, первое из которых ориентировано на агентивную характеристику субъекта, второе – на пациентивную характеристику объекта привыкания.

Таким образом, синтаксические дериваты, входящие в словообразовательное гнездо глагола *привыкнуть*, формируют отношения, максимально близкие отношениям дополнительной дистрибуции. В результате ситуация привыкания получает такие средства языковой репрезентации, которые, взаимно дополняя друг друга, осуществляют «перетекание» значения от одного компонента ситуации к другому, сопровождаемое коммуникативной актуализацией соответствующего компонента⁸. Все это позволяет утверждать, что синтаксические дериваты, входящие в состав одного словообразовательного

⁷ Под коммуникативным рангом мы вслед за Е.В. Падучевой понимаем «прагматическую характеристику участника через его отношение к фокусу внимания говорящего» [Падучева 2004: 58].

⁸ Ср. замечательную по точности и изяществу формулировку мысль Е.В. Падучевой, высказанную в связи с анализом другого языкового материала: «Участники переходят из света в тень – и даже в полный мрак чистого подразумевания – и обратно, не меняя своей роли в ситуации» [Падучева 2004: 97].

гнезда, могут функционировать в качестве единиц коммуникативного ранжирования⁹.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Привыкнуть 1, Привыкнуть 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. М., 1997. С. 280 – 291.

Мурясов Р.З. Лексико-грамматические разряды в лексике и словообразовании // Вопр. языкознания. 1999. № 4. С. 56 – 71.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Таулыкова М.Б. О качествах и свойствах имен качеств и свойств // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики. Иркутск, 2003. С. 174 – 184.

Kralik P., Nuebler N. Poznámky k nominalizaci v češtině // Slovo a slovesnost. 59. 1998. № 2. S. 105 – 112.

Kralik P., Nuebler N. Substantivische Nominalisierungen im Tschechischen // Zeitschrift fuer Slavistik. 1999. Band 44, 25. S. 167 – 180.

Р.Е. Тельнов

СКАЗКА БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ «ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ» И МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ (опыт сопоставления коммуникативных особенностей)

Чтение художественной литературы (в том числе и фантастической) – это коммуникативный процесс, участниками которого являются автор и читатель. Дистантный характер общения предъявляет к его участникам вполне определенные требования, которые варьируются в зависимости от выбираемого писателем метода и жанра. Это свойство отмечает исследователь филологии и психологии фантастики К.Г. Фрумкин: «Современная фантастика требует грамотного и опытного читателя, который знает ее жаргон и умеет расшифровывать образы, самостоятельно достраивая их предысторию и обоснование» [Фрумкин 2004: 45]. К восприятию произведений научной фантастики такой читатель подходит с «опережающим» знанием о космических кораблях и нуль-транспортировке, к чтению фэнтези – со знанием элементов кельтской и славянской мифологии.

Если рассмотреть образы мифологических персонажей, встречающихся на страницах повести братьев Стругацких, с точки зрения разработанной К.Г. Фрумкиным типологии, то их следует отнести к разряду традицион-

⁹ Здесь возникает чрезвычайно интересная параллель с явлением диететического сдвига, ср.: сигарета прожгла дырку на скатерти – сигарета прожгла скатерть, ветер хлопал дверью на террасе – на террасе хлопала дверь, она смотрела вдаль усталыми глазами – ее усталые глаза смотрели вдаль (примеры из [Падучева 2004: 63]), однако это параллель заслуживает самостоятельного исследования.